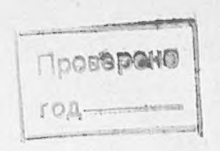
Лебедев
Граф
Е.Ф. Канкрин
IV

ГРАФЪ
ЕГОРЪ ФРАНЦОВИЧЪ
КАНКРИНЪ.

Очеркъ жизни и дѣятельности.

Проф. **В. А. Лебедевъ.**

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія Главнаго Управленія Удѣловъ, Моховая, № 40.
1896.

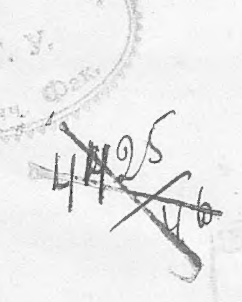

ГРАФЪ ЕГОРЪ ФРАНЦОВИЧЪ КАНКРИНЪ.

Очеркъ жизни и дѣятельности.

Проф. **В. А. Лебедевъ.**

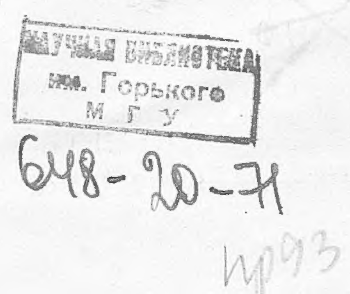

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія Главнаго Управленія Удѣловъ, Моховая, № 40.
1896.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 28-го февраля 1896 года.

Графъ
Егоръ Францовичъ
Канкринъ.

Очеркъ жизни и дѣятельности.

Проф. **В. А. Лебедевъ.**

Графъ Егоръ Францовичъ Канкринъ, министръ финансовъ, род. 16 ноября (по другимъ показаніямъ—8 декабря) 1774 г. въ гессенскомъ городѣ Ганау, ум. 9 сентября 1845 г. въ Павловскѣ. Двое изъ предковъ Е. Ф. Канкрина были пасторами, съ фамиліей Krebs, впослѣдствіи передѣланной на латинскій манеръ въ Cancrinus отъ cancer—ракъ. Дѣдъ Е. Ф. Канкрина былъ горный чиновникъ, а отецъ извѣстный минералогъ, въ 1783 г. поступившій на русскую службу, на должность управляющаго Старорусскими соляными варницами. Отправляясь въ Россію, родители оставили своего сына Георга (Егора) въ родномъ городкѣ Ганау, гдѣ онъ получилъ гимназическое образованіе; высшее юридико-политическое образованіе получилъ онъ въ Гиссенскомъ и Марбургскомъ университетахъ; въ этомъ послѣднемъ онъ получилъ въ 1794 г. и степень доктора правъ. Помимо юридическихъ знаній, онъ пріобрѣлъ обширныя свѣдѣнія въ разныхъ областяхъ техники; особенно любилъ онъ горное, монетное и строительное дѣло. Онъ занимался въ то же время и литературою. Среди товарищей онъ пользовался общимъ уваженіемъ, какъ за свои блестящія дарованія, такъ и за отзывчивость ко всему прекрасному и благородному.

Е. Ф. Канкринъ думалъ служить на родинѣ; но поступить тамъ на службу ему не удалось и въ 1797 г. отецъ вызвалъ его въ Россію. Впечатлѣніе, произведенное на молодаго человѣка Петербургомъ, было столь неблагопріятно, что онъ чуть не вернулся обратно. Тяжело было ему въ чужой незнакомой средѣ; на первыхъ порахъ пришлось перенести не мало разочарованій, лишеній и опасную болѣзнь. Е. Ф. Канкринъ, имѣвшій уже, по ходатайству отца, въ герцогствѣ Ангальтскомъ чинъ Regierungsrath'а, былъ переименованъ въ надворные совѣтники, что для его лѣтъ было

весьма крупнымъ шагомъ, но въ то же время и повредило ему, такъ какъ при незнаніи русскаго языка и русскихъ административныхъ порядковъ ему нельзя было дать должности, соотвѣтствовавшей этому чину, а чинъ мѣшалъ ему занять какую нибудь незначительную должность. Шесть лѣтъ провелъ Е. Ф. Канкринъ безъ опредѣленнаго положенія, не получая достаточной поддержки отъ отца и даже терпя нужду; это время наложило свою печать на его характеръ: онъ остался человѣкомъ самой простой, суровой жизни и чрезвычайно бережливымъ; это отразилось впослѣдствіи и на характерѣ его министерской дѣятельности. Въ этотъ періодъ своей жизни онъ хлопоталъ, но безуспѣшно, о мѣстѣ учителя гимназіи, былъ коммиссіонеромъ, служилъ бухгалтеромъ у откупщиковъ. Только въ январѣ 1800 г., благодаря покровительству вице-канцлера, гр. И. А. Остермана, онъ получилъ мѣсто помощника при отцѣ въ Старой Руссѣ, съ чиномъ коллежскаго совѣтника. Въ 1803 г. Е. Ф. Канкринъ назначенъ совѣтникомъ солянаго отдѣленія въ Экспедиціи Государственнаго Хозяйства Министерства Внутреннихъ Дѣлъ. Исполняя разныя оффиціальныя порученія по соляному и по лѣсному дѣлу, онъ ознакомился со многими мѣстностями Россіи, съ русскимъ народомъ и полюбилъ его; вмѣстѣ съ тѣмъ онъ ознакомился и съ русскимъ языкомъ, такъ что въ послѣдствіи свободно говорилъ и даже писалъ по-русски, хотя и съ нѣкоторыми неправильностями.

Въ 1809 г. Канкринъ сдѣланъ былъ инспекторомъ нѣмецкихъ колоній Петербургской губерніи. Полтора года этой службы, при чемъ лѣтомъ онъ жилъ близъ Стрѣльны, а зимою въ Петербургѣ, онъ называлъ потомъ самымъ счастливымъ временемъ своей жизни. Служба эта оставляла ему довольно досуга для литературныхъ занятій, которыя онъ весьма любилъ.

Именно къ этому времени относится интересное (анонимное, какъ и всѣ его сочиненія) сочиненіе «О военномъ искусствѣ», которое обратило на него вниманіе военнаго министра Барклая-де-Толи и извѣстнаго австрійскаго генерала Пфуля, почитавшагося тогда однимъ изъ авторитетовъ по военнымъ вопросамъ. Познакомившись съ Пфулемъ Канкринъ вскорѣ сдѣлался извѣстнымъ и Александру I. Въ началѣ 1811 г. онъ, уже въ чинѣ дѣйствительнаго статскаго совѣтника, сдѣланъ былъ помощникомъ генералъ-провіантмейстера; въ началѣ Отечественной войны—генералъ-интендантомъ первой арміи, а въ 1813 г.—и всѣхъ русскихъ войскъ.

Надо было много знанія, энергіи и находчивости, чтобы обезпечить продовольствіе огромной арміи, съ надлежащей экономіей, при тогдашнихъ средствахъ подвоза; Е. Ф. Канкринъ съумѣлъ устроить дѣло такъ, что армія наша ни въ чемъ не нуждалась во все время войнъ 1812—1815 гг. Но по его собственнымъ словамъ, въ это время онъ живо почувствовалъ весь ужасъ войны и ясно понялъ все варварство средствъ, которыя онъ же вынужденъ былъ совѣтовать для продолженія войны.

Свѣдѣнія о своихъ дѣйствіяхъ на этомъ посту Канкринъ изложилъ въ запискѣ, представленной Александру I въ 1815 г., а потомъ уже въ 20-хъ годахъ въ обширномъ трудѣ о военномъ хозяйствѣ.

Благодаря умѣлой экономіи Е. Ф. Канкрина Отечественная война обошлась въ 4 года только около 400 мил. руб. съ остаткомъ въ 26 милл. руб. отъ суммъ, ассигнованныхъ на ея веденіе. А при разсчетѣ съ союзниками по продовольствію нашихъ войскъ за-границей онъ блистательно доказалъ неосновательность многихъ претензій съ ихъ стороны, такъ что вмѣсто 360 милл. руб., которыхъ требовали съ русскаго правительства союзники, пришлось выплатить всего лишь 60 мил. руб. Строгое и честное отношеніе къ дѣлу создало Канкрину массу враговъ; нашлись даже люди, формально обвинявшіе его въ злоупотребленіяхъ; но представленный имъ императору Александру I отчетъ о всѣхъ его операціяхъ заставилъ умолкнуть клеветниковъ.

Послѣ войны Канкринъ довольно долго былъ при главной квартирѣ въ Оршѣ, Могилевѣ и Шкловѣ. Пораженный безотраднымъ положеніемъ мѣстнаго крестьянства онъ составилъ, въ началѣ 1816 г., записку объ освобожденіи крестьянъ, которую и препроводилъ императору Александру въ 1818 г. По другому свѣдѣнію записка была напечатана по порученію самого Государя. (Записка эта въ переводѣ съ французскаго, помѣщена въ «Русскомъ Архивѣ», 1865). Это былъ цѣлый планъ постепеннаго освобожденія крестьянъ. Но послѣ войны взгляды Александра I во многомъ измѣнились; а въ вопросѣ объ освобожденіи крестьянъ онъ наталкивался на несочувствіе не только помѣщиковъ вообще, но и весьма выдающихся и отчасти близкихъ ему лицъ, каковы Растопчинъ,

Карамзинъ, Каразинъ и др. Поэтому возможно и то, что эта записка Канкрина нѣсколько повредила ему; на время по крайней мѣрѣ онъ былъ забытъ. Служебныя столкновенія Канкрина съ разными лицами, постоянная и твердая защита казеннаго интереса, преслѣдованіе взяточничества и прочихъ злоупотребленій не находили достаточной поддержки въ высшихъ сферахъ; Канкрина стали считать человѣкомъ безпокойнымъ. Утомленный безплодною борьбою онъ просилъ объ увольненіи отъ должности, которое и получилъ въ апрѣлѣ 1820 г., съ назначеніемъ въ члены Военнаго Совѣта. Въ это время австрійское правительство предложило ему перейдти на службу въ Австрію на чрезвычайно соблазнительныхъ условіяхъ; но, свыкшись уже съ Россіею и полюбивъ ее, Канкринъ рѣшительно отказался.

Работая въ званіи члена Военнаго Совѣта и участвуя въ разныхъ коммиссіяхъ, онъ не имѣлъ, однако, никакой активной роли. Но въ 1821 г. Государь вспомнилъ о немъ и взялъ его съ собою на конгрессъ въ Лайбахѣ, для обсужденія предполагавшихся военныхъ операцій по случаю волненій въ Неаполѣ и Піемонтѣ. По возвращеніи съ конгресса, Канкринъ получилъ званіе члена Государственнаго Совѣта по Департаменту Государственной Экономіи, а 22 апрѣля 1823 г. онъ смѣнилъ собою графа Гурьева въ управленіи министерствомъ финансовъ. Въ высшихъ правительственныхъ и общественныхъ кругахъ назначеніе это было встрѣчено съ недоумѣніемъ и недовольствомъ. Многіе утверждали, что этотъ мизантропъ изъ нѣмцевъ, нелюдимъ и ворчунъ, съ рѣзкими выходками и безбожно коверкающій русскій языкъ, не знаетъ и не понимаетъ Россіи и непремѣнно ее раззоритъ. Вышло, однако, напротивъ. Канкринъ оказался не только искуснымъ счетчикомъ, котораго мудрено было ввести въ заблужденіе; онъ оказался глубоко понимающимъ дѣло финансистомъ и необыкновеннымъ работникомъ. Онъ работалъ часовъ по 15 въ день, не считая пріема посѣтителей и просителей. На интриги, которыя велись противъ него постоянно, онъ отвѣчалъ презрѣніемъ, противуставляя имъ блестящіе результаты своего управленія, безпощадно обличая злоупотребленія и поражая своихъ недоброжелателей своими, иногда весьма ѣдкими, остротами. Его рѣзкія выходки и насмѣшки нажили ему, несомнѣнно, еще больше враговъ, чѣмъ нетерпимость къ злоупотребленіямъ. Тѣмъ не менѣе, никому не удалось поколебать довѣріе къ нему императора Николая и Е. Ф. Канкринъ продолжалъ, до полнаго истощенія силъ, сидѣть, какъ онъ выражался, «на огненномъ стулѣ» русскаго министра финансовъ.

Императоръ уважалъ и умѣлъ цѣнить своего министра финансовъ. Иногда Государь и министръ расходились въ воззрѣніяхъ, но по большей части дѣло устраивалось согласно мнѣнію Канкрина; Императоръ неизмѣнно благоволилъ къ Канкрину до послѣднихъ его дней.

Въ 1839 г. Канкрина постигло первое сильное потрясеніе здоровья (апоплексія) и силы его стали видимо слабѣть; противники его уже не встрѣчали въ немъ болѣе такого рѣзкаго и опаснаго оппонента, какъ прежде. Онъ сталъ проситься въ отставку, но Государь на это долго не соглашался, а только увольнялъ его нѣсколько разъ для поправленія здоровья заграницу (1840, 1841, 1843 гг.). Эти поѣздки нѣсколько укрѣпляли его; но затѣмъ силы его снова быстро падали и въ началѣ 1844 г. онъ снова и тяжело заболѣлъ. Когда онъ нѣсколько оправился, Государь дважды пріѣзжалъ къ нему и уговаривалъ оставаться въ должности; Канкринъ, однако, чувствовалъ, что силы его истощены окончательно, что онъ уже не можетъ такъ работать, какъ считалъ онъ нужнымъ, и настоялъ на своемъ рѣшеніи выйдти въ отставку. 1 мая 1844 г. онъ былъ уволенъ отъ должности министра финансовъ, съ назначеніемъ членомъ Государственнаго Совѣта, и опять уѣхалъ заграницу. Лѣтомъ 1845 г. онъ вернулся и поселился въ Павловскѣ, гдѣ и скончался 9 сентября 1845 г., не переставая до послѣднихъ минутъ интересоваться наукой. Въ самый день смерти жена его читала ему политико-экономическое изслѣдованіе Коха.

Полезная дѣятельность Канкрина во все время его службы награждалась по-царски. Сверхъ чиновъ и орденовъ, до самыхъ высшихъ, и возведенія въ графское достоинство (1829 г.), онъ неоднократно получалъ аренды и крупныя денежныя награды; сверхъ того (въ 1835 г.) ему было пожаловано въ потомственное владѣніе 30 тыс. дес. земли въ Бессарабіи.

Въ слишкомъ двадцатилѣтнее управленіе Канкрина министерствомъ финансовъ экономическое положеніе Россіи поднялось весьма высоко. Систему свою, основанную главнымъ образомъ на поднятіи экономическаго благосостоянія Россіи, онъ проводилъ съ неуклонной послѣдовательностью, соблюдая при этомъ большую осторожность относительно нововведеній. «Не ломать, а постепенно улучшать» было его правиломъ. И хотя онъ любилъ говорить, что заслуга его «не столько въ томъ, что онъ сдѣлалъ, сколько въ томъ, чему помѣшалъ», но и сдѣлалъ онъ очень много, какъ въ области финансовъ, такъ и въ области народной экономіи. Главные принципы его финансово-экономической политики можно характеризовать такъ: 1) бережливость, экономія; 2) осторожность въ пользованіи государственнымъ кредитомъ; 3) крайняя осторожность въ установленіи новыхъ налоговъ; 4) поднятіе отечественной промышленности и 5) упроченіе денежной системы.

Признавая, что государственное финансовое хозяйство должно слѣдовать тѣмъ же правиламъ, что и частное, Канкринъ ставилъ бережливость весьма высоко. Прежде всего онъ позаботился объ устраненіи дефицита изъ бюджета 1823 г. Отлично зная хозяйственную часть арміи, онъ доказалъ возможность значительныхъ сокращеній бюджета по этой статьѣ; затѣмъ онъ добился нѣкоторыхъ сокращеній и по другимъ вѣдомствамъ. Канкринъ устранялъ расходы излишніе; но необходимые естественно продолжали рости и потому дефициты нерѣдко повторялись въ болѣе или менѣе крупныхъ суммахъ. Но нельзя винить за это Канкрина: то неурожаи, то войны, то другія чрезвычайныя, особенно политическія обстоятельства нерѣдко разрушали всѣ его разсчеты. Сокрушаясь, что ему неудается устранить повтореніе дефицитовъ, онъ говаривалъ: «что я сберегаю, то все уйдетъ на казармы, крѣпости и пр.», «что милліонъ—то батальонъ». Канкринъ былъ бережливъ, но онъ не хранилъ своихъ сбереженій подъ спудомъ; въ экстренныхъ случаяхъ они являлись полезнымъ подспорьемъ. Такъ накопленные имъ въ первые годы управленія 160 мил. руб. асс. обезпечили веденіе Персидской войны.

Оберегая всѣми силами казначейство отъ обычныхъ, самыхъ разнообразныхъ на него посягательствъ, Канкринъ на дѣйствительныя потребности не былъ скупъ и всегда имѣлъ деньги; «я скряга на все, что не нужно», говорилъ онъ. Въ вину ставили иногда министру, что его скопидомство привело къ накопленію спеціальныхъ капиталовъ въ разныхъ вѣдомствахъ, что вызвало большую запутанность въ отчетности и содѣйствовало неправильному пользованію доходами съ этихъ капиталовъ; но можетъ быть болѣе виновато въ этомъ отсутствіе единства кассы, устраненное у насъ лишь почти черезъ 20 лѣтъ послѣ Канкрина. Онъ, съ своей стороны, многое улучшилъ въ счетной и казначейской части и устранилъ много злоупотребленій по собиранію доходовъ, которые вслѣдствіе этого сразу повысились.

Кредитомъ онъ пользовался осторожно, держась того убѣжденія, что государственные долги не увеличиваютъ народнаго благосостоянія. «Строго говоря, пишетъ онъ въ одномъ изъ своихъ сочиненій, къ займамъ слѣдуетъ прибѣгать только тогда, когда они нужны для того, чтобы вывести государство изъ затруднительнаго положенія, или для общеполезныхъ предпріятій, не только дающихъ народному богатству проценты, но и погашающихъ долгъ; потому что тогда достается потомкамъ нашимъ эквивалентъ за антиципацію, сдѣланную нами на ихъ счетъ».

Неохотно обращаясь къ государственному кредиту, Канкринъ дѣлалъ секретные займы въ государственныхъ банкахъ, изъ частныхъ вкладовъ въ государственныя кредитныя учрежденія, остававшихся свободными за удовлетвореніемъ ссудами заемщиковъ банковъ. Эта система позаимствованій навлекла на Канкрина въ позднѣйшее время не мало нареканій. Указывали, что такими займами онъ могъ поставить кредитныя учрежденія въ безвыходное положеніе, въ случаѣ если-бы явились усиленныя востребованія вкладовъ. Но эту опасность онъ хорошо сознавалъ и потому обращался къ этому источнику лишь съ осторожностью и умѣренностью. До извѣстной степени такіе тайные займы оправдываются тѣмъ, что при обиліи свободныхъ суммъ въ банкахъ, деньги эти являлись мертвымъ капиталомъ, требуя, тѣмъ не менѣе, оплаты процентами въ пользу вкладчиковъ.

Какъ уже упомянуто, Канкринъ не охотно

вводилъ новые налоги и за все время его управленія къ существовавшимъ тогда налогамъ прибавилъ одинъ только — акцизъ на табакъ и то очень умѣренный. Онъ держался убѣжденія, что «всѣ виды налоговъ страдаютъ коренными недостатками» и что «въ монархіяхъ особенно трудно вводить новые налоги, такъ какъ тутъ причиняемое ими неудовольствіе обращается противъ самого монарха». Такимъ образомъ, если Канкринъ не ввелъ никакихъ улучшеній въ прямые налоги, то по крайней мѣрѣ онъ ихъ и не повысилъ.— Особенно сильные упреки противъ него вызвало возстановленіе откупной системы питейныхъ сборовъ. Можетъ быть онъ и не рѣшился бы на эту мѣру, если бы могъ предвидѣть печальные нравственные результаты откуповъ, да притомъ имѣлъ бы въ виду другой, столь же обильный источникъ дохода. Конечно, онъ обманывался, полагая, что «монополія эта есть истинное благодѣяніе, ограничивая пьянство» и рѣшился на нее только послѣ «всевозможныхъ стараній сохранить казенное управленіе» — и только тогда, когда «послѣднее оказалось неблагонадежнымъ», онъ вернулся къ «откупной системѣ, но улучшенной противъ прежняго». Хотя эта система дала весьма значительное приращеніе дохода, Канкринъ не считалъ однако отраднымъ явленіемъ, что питейный доходъ составлялъ главную статью бюджета; но, оберегая по необходимости этотъ доходъ, онъ сократилъ нѣкоторые другіе налоги, между прочимъ налогъ на соль, сборъ съ водяныхъ сообщеній и др.

Поощреніе промышленности и вмѣстѣ поднятіе этимъ путемъ финансоваго благосостоянія государства, составляло существенную часть финансовой системы Канкрина. Его протекціонизмъ заслужилъ ему едва ли не больше упрековъ, чѣмъ какая либо другая часть его системы. Прежде всего замѣтимъ, что онъ признавалъ нужнымъ для Россіи довольно высокое таможенное обложеніе не только ради покровительства промышленности, но также, чтобы косвеннымъ путемъ привлечь къ участію въ уплатѣ государственнаго дохода классы привиллегированные, не затрогивая ихъ привиллегій. Что же касается до протекціонизма, то начало строго покровительственной системы было положено еще до Канкрина. Либеральный тарифъ 1819 г. былъ замѣненъ запретительнымъ еще въ 1822 г.; впрочемъ, почти несомнѣнно, что и тогда дѣло это состоялось подъ сильнымъ вліяніемъ Канкрина. Полагаютъ, что появившаяся тогда записка, въ которой рѣзко критиковалась система 1819 г., была написана самимъ Канкринымъ. Признавая, что «каждый народъ долженъ стремиться къ полной независимости отъ другихъ народовъ» и что «народы обогащаются въ торговлѣ только хитростью или силою», Канкринъ и дѣйствовалъ какъ протекціонистъ. Къ тому же, зная косность и необразованность русскихъ производителей, онъ думалъ, что если чѣмъ либо можно возбудить ихъ къ дѣятельности, то лишь приманкою большихъ барышей, какіе обѣщало ограниченіе иностраннаго соперничества. Однако, не одними только высокими пошлинами старался онъ поднять промышленность и, сверхъ покровительственнаго тарифа, принималъ и другія мѣры къ оживленію русской промышленности. Такъ, по его инпціативѣ начато было изданіе «Коммерческой Газеты», «Журнала мануфактуръ и торговли» (съ 1824 г.), «Извѣстій о мануфактурномъ и горномъ дѣлѣ» (съ 1839 г.); издано болѣе 30 сочиненій по разнымъ отраслямъ техники и карта распредѣленія мануфактурной промышленности въ Россіи; отправлены за границу агенты, чтобы узнавать о новѣйшихъ открытіяхъ и усовершенствованіяхъ; привлечены въ Россію искусные мастера; учреждены: Мануфактурный Совѣтъ съ отдѣленіями и корреспондентами, Технологическій Институтъ и промышленныя школы, безплатныя школы рисованія съ женскими отдѣленіями, классы рисованія при гимназіяхъ; началась посылка молодыхъ людей заграницу; улучшенъ полицейскій надзоръ за работами; устроены промышленныя выставки въ Петербургѣ и Москвѣ и приняты многія другія мѣры. Въ 1832 г. тарифъ 1822 года, и безъ того высокій, былъ повышенъ на $12^1/_2$%; но это пришлось сдѣлать ради увеличенія доходовъ, разстроенныхъ турецкою и польскою войнами и въ 1834 и 1836 гг. послѣдовали нѣкоторыя пониженія таможенныхъ сборовъ. Въ 1842 г. введенъ былъ новый тарифъ, выработанный непосредственно самимъ Канкринымъ, во избѣжаніе преждевременной огласки перемѣнъ. Тарифъ этотъ также ставятъ въ упрекъ Канкрину; но онъ содержитъ наряду съ повышеніями пош-

линъ на одни предметы, пониженія на другіе; въ 1844 и 1845 гг. были сдѣланы въ немъ еще нѣкоторыя облегченія. Да и большинство повышеній тарифныхъ ставокъ, по словамъ Канкрина, сдѣланы были теперь не столько въ цѣляхъ покровительства, сколько для увеличенія государственнаго дохода. Вообще же Канкринъ держался убѣжденія, что «поощрять промышленность слѣдуетъ лишь гомеопатическими дозами, не слишкомъ ускоряя ходъ дѣлъ» и высказывалъ надежду, что «со временемъ и Россія будетъ имѣть свободную торговлю».

Враги Канкрина указывали на то, что благодаря высокимъ пошлинамъ чрезвычайно усилилась контрабанда и вообще увеличились злоупотребленія въ таможенномъ вѣдомствѣ. Но и этотъ упрекъ не имѣетъ достаточнаго основанія: организація таможенной части была при немъ во многомъ улучшена, введенъ лучшій контроль, обращено вниманіе на выборъ личнаго состава служащихъ, увеличена и преобразована таможенная стража.

Но не одна мануфактурная промышленность обращала на себя вниманіе Канкрина. Сельское хозяйство, лѣсоводство, овцеводство, горное дѣло и т. д. все это было предметомъ его заботъ. Правда, непосредственныхъ мѣръ поощренія земледѣлію и скотоводству не предпринималось; но правительство открыло помѣщикамъ кредитъ подъ залогъ имѣній и не его вина, если взятыя ссуды расходовались большею частію непроизводительно. Для улучшенія экономическаго положенія государственныхъ крестьянъ и для подъема ихъ хозяйства Канкринъ сдѣлалъ очень много. Онъ старался о введеніи у нихъ четырехпольнаго хозяйства, объ улучшеніи системы запасныхъ магазиновъ; принималъ мѣры къ переселеніямъ, гдѣ нужно заводилъ школы и т. д. Въ 1835 г. при Технологическомъ Институтѣ устроено было производство сельско-хозяйственныхъ орудій, съ безплатною пересылкою ихъ въ казенныя палаты для продажи; въ 1836 г. производство земледѣльческихъ орудій заведено и въ Москвѣ; въ 1833 г. началось изданіе «Земледѣльческой Газеты»; тогда же возникло Закавказское Общество поощренія промышленности и сельскаго хозяйства, 1838 г. таковое же въ Дерптѣ; въ 1826 г. заведены были въ Петербургѣ, Москвѣ и въ Остзейскомъ краѣ общества для распространенія тонкорунаго овцеводства, оказавшія, при матеріальномъ содѣйствіи правительства, большое вліяніе на подъемъ этой отрасли хозяйства. Къ поддержанію сельскаго же хозяйства должно было служить: учрежденіе шерстяныхъ ярмарокъ (1828 г.), сортировка шерсти (1829 г.), учрежденіе двухъ акціонерныхъ обществъ: (1832 г.) для развитія тонкорунаго овцеводства въ Западной Сибири и въ Харьковѣ — для торговли шерстью (1838 г.). Въ 1827 г. устроено было въ Тифлисѣ иностранцемъ Кастель, съ значительною субсидіей отъ казны, шелкомотальное заведеніе, давшее сильный толчекъ развитію этого дѣла; а въ 1836 г. учреждено было въ Закавказьи, съ разными привиллегіями и пособіями отъ казны общество для распространенія шелководства. Въ 1825 — 1830 гг. учреждены: компанія для улучшенія крымскихъ винъ и такая же въ Закавказскомъ краѣ; заведена выдѣлка бочекъ, бутылокъ; улучшена выдѣлка бурдюковъ; разсылались сѣмена табаку и другихъ техническихъ растеній, не безъ успѣха для развитія ихъ культуры. Въ 1825 г. учреждена была Луганская образцовая ферма, затѣмъ Горыгорѣцкое Земледѣльческое Училище.

Не мало сдѣлано было также для лѣснаго и горнаго хозяйства. До Канкрина лѣсная часть была организована весьма неудовлетворительно, а научная ея сторона была въ полномъ упадкѣ; Лѣсной Институтъ существовалъ, но находился въ полномъ упадкѣ, не имѣя даже преподавателя лѣснаго хозяйства. Канкринъ преобразовалъ его, учредилъ при немъ землемѣрное училище, устроилъ Лисинское учебное лѣсничество, лѣсные классы при Митавской гимназіи; послалъ значительное число молодыхъ людей заграницу для изученія лѣснаго дѣла; выработалъ проектъ лѣснаго законодательства, съ спеціальнымъ указаніемъ началъ правильнаго лѣснаго хозяйства; предпринялъ мѣры для сохраненія и разведенія лѣсовъ въ южныхъ губерніяхъ; улучшилъ охраненіе лѣсовъ и т. д.; изданы были на казенный счетъ разныя сочиненія по лѣсной части; учреждены: «Лѣсной журналъ» и «Общество лѣснаго хозяйства».

Канкринъ произвелъ важныя улучшенія также въ нашемъ горномъ дѣлѣ: преобразовалъ управленіе имъ, учредилъ корпусъ горныхъ инженеровъ, улучшилъ ученую и учебную часть, возобновилъ отправку заграницу для усовершенствованія и сталъ посы-

лать не только молодежь доучиваться, но и лицъ, имѣющихъ уже практическій опытъ. При его управленіи былъ преобразованъ Горный Институтъ и заведенъ при немъ богатѣйшій музей; улучшены существовавшія горныя училища и созданы новыя; учреждены училища — техническое по горной части и пробирное при Технологическомъ Институтѣ. Казенные горные промыслы были значительно улучшены; заведено правильное лѣсное хозяйство на уральскихъ заводахъ; сдѣланы крупныя улучшенія въ самомъ производствѣ и въ горномъ законодательствѣ; изданы узаконенія о золотопромышленности, которая получила въ управленіе Канкрина небывалое до того времени развитіе; значительно улучшена была соляная часть; начато добываніе антрацита въ землѣ Войска Донскаго. Очень много сдѣлано для изслѣдованія Россіи въ геологическомъ отношеніи: въ разныя мѣста посылались экспедиціи; привлечены иностранные изслѣдователи; приглашены были въ Россію знаменитые ученые путешественники-естествоиспытатели, каковы Гумбольдтъ, Мурчиссонъ, Розе, Эренбергъ и др. Особенно усердно содѣйствовалъ Канкринъ путешествію по Россіи въ 1829 г. Гумбольдта и далъ ему возможность написать его знаменитое изслѣдованіе о Центральной Азіи, гдѣ изложены и результаты его путешествія по Россіи. Канкринъ завелъ сношенія по вопросамъ горнаго дѣла съ иностранными учеными обществами и спеціалистами; по его желанію издано было на казенный счетъ много сочиненій по горному дѣлу. «Горный Журналъ», «Извѣстія о мануфактурахъ и горныхъ заводахъ», «Извлеченія (на французскомъ языкѣ) изъ Горнаго Журнала» и берлинское изданіе «Архивъ научныхъ свѣдѣній о Россіи»—имѣли въ Канкринѣ дѣятельнаго покровителя, а отчасти и сотрудника. По его же иниціативѣ заведены были въ разныхъ мѣстахъ магнитныя и метеорологическія наблюденія (съ 1834 г.), нормальная обсерваторія при Горномъ Институтѣ, магнитныя обсерваторіи на Уралѣ, въ Сибири и въ Казани.

Торговля — внутренняя и внѣшняя — также имѣла въ Канкринѣ дѣятельнаго попечителя. Онъ внимательно прислушивался къ ея требованіямъ; давалъ пособія и привиллегіи торговымъ городамъ; выполнилъ рядъ мѣръ для облегченія и поощренія судоходства; по его иниціативѣ основаны новыя верфи, оказывалась поддержка развитію пароходныхъ сообщеній — напр. по Днѣпру и Донцу; Канкринъ содѣйствовалъ учрежденію торговыхъ и промышленныхъ компаній; при немъ изданы: правила для браковки товаровъ, уставъ Петербургской биржи (1832 г.), наставленія къ лучшему сооруженію судовъ; учреждены биржевые комитеты въ Москвѣ и Ригѣ; заключены торговые договоры съ Пруссіей, Швеціей, Англіей и Сѣверо-Американскими Штатами. Канкринъ принялъ рядъ мѣръ для того, чтобы твердо поставить русскую метрологію: выписаны были изъ-за границы оффиціальные образцы важнѣйшихъ европейскихъ мѣръ длины и емкости, русскія мѣры и вѣсъ опредѣлены очень точно, издано ученое сочиненіе объ этомъ предметѣ и изготовлены, съ помощью дорогихъ машинъ, образцы мѣръ и вѣса—частію изъ платины—для разсылки въ губерніи; а для храненія образцовъ и повѣрочныхъ машинъ выстроено въ Петропавловской крѣпости особое зданіе, по тому времени образцовое.—Однимъ словомъ, можно сказать, не было отрасли народнаго хозяйства, на которую не обратилъ бы вниманія Канкринъ и которая не имѣла бы въ его лицѣ знающаго и дѣятельнаго пособника и ходатая.

Значительно улучшена была, наконецъ, и организація всего финансоваго вѣдомства, приняты мѣры къ устраненію злоупотребленій по собиранію доходовъ, улучшена система отчетности (1830 г.); пересмотрѣны и изданы вновь почти всѣ узаконенія по кредитной части; улучшенъ порядокъ платежей по государственнымъ долгамъ и принято за правило не усиливать очень погашеніе для искуственнаго повышенія курса фондовъ. Ускорено и упорядочено вообще передвиженіе казенныхъ суммъ въ государствѣ устраненіемъ безцѣльной пересылки ихъ изъ губерній въ Главное Казначейство и обратно. Даны новыя, лучшія правила для ссудъ изъ Коммерческаго банка, а по Заемному банку прекращены ссуды подъ промышленныя заведенія («по неблагонадежности этихъ ссудъ и по неправильности усиленія фабрикъ ссудами»), съ возстановленіемъ ссудъ подъ населенныя имѣнія, съ назначеніемъ погасительнаго процента. По мысли Канкрина сдѣлано обязательнымъ представленіе отъ всѣхъ мѣстъ подробныхъ отчетовъ Государственному Контролю; для представленія Государю Императору стали составляться раз-

ные счетные обзоры, «кои прежде не представлялись», и ежегодно представлялись отчеты въ Финансовый Комитетъ. Несомнѣнно, что Канкринъ заботился о введеніи правильной отчетности и контроля; но только онъ находилъ болѣе удобнымъ сосредоточить контрольную часть въ Министерствѣ Финансовъ, а не передавалъ ея цѣликомъ въ Государственный Контроль; за это нѣкоторые обвиняютъ его—но неосновательно — въ томъ, что онъ, будто бы, былъ противникомъ отчетности.

Стóитъ упомянуть еще, что многіе города Россіи, а Петербургъ въ особенности, обязаны Канкрину возведеніемъ многихъ зданій, служившихъ не только къ удовлетворенію существовавшей надобности, но и къ украшенію городовъ. Какъ любитель художествъ, а архитектуры въ особенности, Канкринъ старался придавать постройкамъ, которыя ему приходилось возводить, по возможности изящный видъ. Въ Петербургѣ воздвигнуты въ его управленіе: зданіе таможни; биржевые пакгаузы съ помѣщеніемъ для выставокъ; постройки для музеевъ Академіи Наукъ; зданіе Технологическаго Института; Лѣсной Институтъ съ двумя слободами при немъ; Морской корпусъ; Александровскій чугунно-литейный заводъ; пристройки къ зданію Горнаго Института; помѣщеніе для Министерства Финансовъ, въ составѣ общаго зданія Министерства Иностранныхъ Дѣлъ и Главнаго штаба; Московскія чугунныя тріумфальныя ворота; мосты: Пѣвческій, Банковскій, Никольскій. Перестроены: зданіе Заемнаго банка, съ помѣщеніемъ для пробирнаго училища; зданіе Главнаго Казначейства въ крѣпости, Монетный дворъ, старый гостиный дворъ на Васильевскомъ островѣ; Соборъ всѣхъ учебныхъ заведеній. Устроены вновь: биржевой скверъ, набережная у Тучкова моста, Александровскій паркъ, гранитная набережная у (бывшаго) Исаакіевскаго моста, насосы для разборки воды; очищенъ и углубленъ фарватеръ Невы. Въ Москвѣ построено зданіе биржи; въ Кронштадтѣ—таможня съ казармами и лѣсная биржа; въ Ригѣ—большое зданіе для арсенальнаго склада; въ Одессѣ и Таганрогѣ—таможенныя помѣщенія; въ Таурогенѣ—укрѣпленное зданіе для таможни; сдѣланы поправки и улучшенія въ нижегородскомъ ярмарочномъ гостиномъ дворѣ; въ Кяхтѣ устроенъ каменный гостиный дворъ и таможня; въ Архангельскѣ укрѣплены берега и т. д.

Важнѣйшею мѣрою собственно финансоваго управленія Канкрина была денежная реформа и возстановленіе металлическаго обращенія. Уже съ конца прошедшаго столѣтія наша денежная система была разстроена. Ассигнаціи, появившіяся въ 1768 г., какъ удобная замѣна преобладавшей тогда мѣдной монеты, были хорошо приняты въ народѣ и первое время ходили даже съ лажемъ. Но съ увеличеніемъ ихъ количества курсъ ихъ сталъ падать: въ 1801 г. ассигнаціонный рубль стоилъ уже только 65—60 к. мѣдью, а послѣ Наполеоновскихъ войнъ—когда ассигнацій было выпущено уже на 830 милліоновъ рублей — только 25 коп. Тогдашній министръ финансовъ, гр. Гурьевъ, согласно плану Сперанскаго, предложилъ путемъ внѣшнихъ займовъ получить металлъ для изъятія изъ обращенія части бумажныхъ денегъ; по его разсчетамъ, благодаря этому, курсъ долженъ былъ поправиться настолько, что улучшилось бы экономическое положеніе всего государства. Планъ этотъ былъ принятъ. Были сдѣланы два внѣшнихъ займа на 40 и 43 милліона рублей серебромъ; съ помощью этихъ денегъ было изъято изъ обращенія и сожжено ассигнацій на 181 милліонъ рублей; до того времени за рубль серебромъ платилось 4 р. асс., т. е. 400 копѣекъ; послѣ этого нѣкоторое время рубль серебряный стоилъ только 373 к., но затѣмъ снова онъ дошелъ до 380 к., и на этомъ остановился. Такимъ образомъ въ результатѣ русскіе финансы обременены были новымъ долгомъ въ 83 милліона рублей серебромъ, съ 5 милл. руб. серебромъ ежегоднаго расхода на проценты, а улучшенія не оказалось. Въ такомъ положеніи засталъ дѣло Канкринъ. Признавая извлеченіе ассигнацій займами дѣломъ нераціональнымъ, онъ тотчасъ прекратилъ эту операцію, по заключенію коммиссіи для изслѣдованія денежнаго обращенія, организованной въ 1824 г. Коренною задачею Канкринъ поставилъ упроченіе курса бумажныхъ денегъ и потому не тотчасъ же приступилъ къ выполненію своего плана реформы, а выжидалъ благопріятныхъ обстоятельствъ, которыя и дѣйствительно явились ему на помощь.

По указу 9 апрѣля 1812 г. ассигнаціонный рубль сталъ нормальной государственной монетой, но принимался казною по курсу на серебряный рубль, причемъ для приданія прочности ассигнаціямъ пріемъ

звонкой монеты въ казенные платежи былъ воспрещенъ. Между тѣмъ, съ теченіемъ времени, съ улучшеніемъ экономическаго положенія государства, наличное количество оборотныхъ средствъ, представляемыхъ ассигнаціями (около 596 милл. руб. асс., что при курсѣ около 400 к. асс. за 1 р. с. составляло всего около 150 м. р. с.) стало оказываться недостаточнымъ и въ народномъ обращеніи появилось множество звонкой монеты, золотой и серебряной, русской (изъ-подъ спуда) и иностранной, такъ что пришлось наконецъ отмѣнить запрещеніе пріема звонкой монеты въ казенные платежи и установить курсъ, по какому ее принимать.

Наряду съ появленіемъ звонкой монеты въ обращеніи и бумажный рубль нѣсколько поправился; вмѣсто 380 к. асс. рубль серебра сталъ цѣниться уже въ 350 к. асс., а нѣкоторое время и того ниже (до 330 к.). Но вмѣстѣ съ тѣмъ появился лажъ: номинально ассигнаціонный рубль оставался рублемъ, но при платежѣ на него накидывался нѣкоторый процентъ, притомъ въ разныхъ мѣстахъ различный и доходившій иногда до 27%. Этимъ создавалось весьма неопредѣленное положеніе денежнаго обращенія, которое порождало своего рода ажіотажъ, обманы и неопредѣленность въ платежахъ. Хотя лажъ и былъ узаконенъ мнѣніемъ Государственнаго Совѣта 27 октября 1827 г., по тѣмъ не менѣе онъ составлялъ прямо народное бѣдствіе. Образовалось нѣсколько разныхъ курсовъ: вексельный, податной, таможенный, биржевой и простонародный, которые измѣнялись не только по времени, но и по мѣстностямъ и путали всѣ разсчеты; разница между биржевымъ и народнымъ курсомъ бывала отъ 3% до 18%. Необходимо было положить конецъ этой путаницѣ и неустойчивости. Появленіе въ обращеніи звонкой монеты и значительно усилившаяся къ концу 30-хъ гг. добыча золота (съ 25 пудовъ въ 1823 г., она дошла въ 1842 г. до 1000 пудовъ)—словомъ, имѣвшійся запасъ металла—давали возможность серьезно приступить къ реформѣ, которая и была произведена въ началѣ 1840-хъ годовъ.— На разсмотрѣніе Государственнаго Совѣта представлено было пять проектовъ денежной реформы; два изъ нихъ—адмираловъ Мордвинова и Грейга были найдены непрактичными; а остальные три—Сперанскаго, князя Друцкаго-Любецкаго, и Канкрина— были совершенно сходны въ своей основѣ, особенно проекты Сперанскаго и Канкрина, съ тою разницей, что Сперанскій не находилъ возможнымъ обойтись безъ внѣшняго займа, а Канкринъ доказывалъ, что внѣшній заемъ не нуженъ и дѣйствительно выполнилъ реформу, не прибѣгая къ займу. Идея реформы была взята изъ проекта Джона Гранта, представленнаго этимъ послѣднимъ императору Александру I въ 1821 г.

1 іюля 1839 г. вышелъ манифестъ, коимъ серебряный рубль объявленъ былъ законною монетною единицею, а ассигнаціонный допускался лишь въ качествѣ второстепеннаго знака, съ неизмѣннымъ отношеніемъ къ серебру—какъ $3^1/_2$ къ 1. Съ установленіемъ этого постояннаго отношенія простонародные лажи исчезли мгновенно. Далѣе предстояло замѣнить ассигнаціи представителями, писанными на узаконенную серебряную единицу. Но простая замѣна однихъ бумажекъ другими только уменьшила бы количество ихъ въ $3^1/_2$ раза, не придавъ имъ никакой фактической прочности; надо было обезпечить ихъ размѣномъ и для этого—создать металлическій фондъ. Операція эта и была выполнена Канкринымъ весьма искусно: съ 1 января 1840 г. открыта была при Коммерческомъ банкѣ депозитная касса для пріема отъ публики золота и серебра, съ выдачею за нихъ «депозитныхъ» билетовъ (цѣнностью 3, 5, 10, 25, 50 и 100 рублей), т. е. какъ бы сохранныхъ росписокъ (какъ и предлагалъ назвать ихъ Сперанскій) на эти вклады, обмѣниваемыхъ на металлъ немедленно по предъявленіи. Публика охотно понесла свои запасы металла въ эту кассу, такъ что черезъ годъ съ небольшимъ въ ней образовался фондъ до 38 милл. руб. сер., а впослѣдствіи слишкомъ удвоился. Такимъ образомъ добытъ былъ размѣнный фондъ для будущихъ бумажныхъ денегъ безъ всякихъ затратъ. За симъ, въ видѣ опыта и для облегченія оборотовъ кредитныхъ установленій (затрудненныхъ востребованіемъ вкладовъ) выпущены были въ 1841 г. 50-рублевые кредитные билеты на сумму 30 милл. рубл. (Манифестъ 1 іюня 1841 г.). Номинально они обезпечивались всѣмъ достояніемъ государства, а для дѣйствительнаго размѣна образованъ былъ фондъ въ $^1/_6$ часть количества выпущенныхъ билетовъ. Опытъ оказался удачнымъ и можно уже было приступить къ довершенію задуманной мѣры.

1 іюня 1843 г. изданъ былъ манифестъ о замѣнѣ ассигнацій кредитными билетами, размѣниваемыми на звонкую монету по предъявленіи. Вмѣсто депозитныхъ кассъ учреждена Экспедиція государственныхъ кредитныхъ билетовъ. Съ сентября 1843 г. и началась замѣна ассигнацій и депозитныхъ билетовъ кредитными, при фондѣ около 36 милл. руб., который быстро затѣмъ увеличивался и въ годъ смерти Канкрина составлялъ около 87 милл., при 189,4 милл. руб. выпущенныхъ билетовъ. Послѣ Канкрина количество ихъ превысило 300 милл. при соотвѣтственномъ увеличеніи фонда (напр. въ 1848 г. 147 м. р.). Эта сумма очевидно не представляла опасности для твердости обращенія; къ обмѣну представлялось очень мало и наряду съ требованіемъ металла и онъ самъ вносился въ обмѣнъ на кредитные билеты. Можно было думать, что система упрочена. Экспедиція кредитныхъ билетовъ, обязанная размѣнивать билеты по предъявленіи, была ничѣмъ не хуже банка, хотя бы и акціонернаго, но немогущаго имѣть самостоятельности. И дѣйствительно, денежное обращеніе было достаточно прочно до тѣхъ поръ, пока Крымская война, а позднѣе Восточная война 1877 — 1878 гг. не вынудили къ усиленнымъ выпускамъ кредитныхъ билетовъ. Но нельзя же винить за это Канкрина, прекрасно понимавшаго (какъ видно изъ его дѣйствій и отзывовъ) весь вредъ пользованія бумажными деньгами, какъ финансовымъ рессурсомъ.

Въ самомъ началѣ реформа Канкрина въ нѣкоторой части публики встрѣтила неодобреніе. Членъ Государственнаго Совѣта графъ Литта заявлялъ даже, что теперь Россія раззорена. И въ позднѣйшее время упрекали Канкрина за учиненное имъ «государственное банкротство» въ видѣ яко-бы произвольнаго уменьшенія бумажно-денежнаго долга въ $3^1/_2$ раза. Напоминали, что мѣра эта была противна манифесту 1810 г., обезпечившему номинальную стоимость ассигнацій всѣмъ достояніемъ государства. Но Канкринъ не былъ творцомъ банкротства; оно совершилось само собою; цѣнность ассигнацій стала упадать еще съ конца прошедшаго столѣтія, упадала очень низко (до 421 коп. асс. за 1 р. с. въ 1815 г.), а къ концу 30-хъ гг. установилась приблизительно на 350 коп. асс. за 1 р. с.; Канкринъ только узаконилъ этотъ фактъ. Возстановленіе же бумажнаго рубля до равенства съ серебрянымъ обошлось бы государству чрезвычайно дорого, а главное дѣло—оно было-бы совершенно непрактично, произвело бы громадную пертурбацію въ платежахъ, создало бы убытки для однихъ и незаслуженную прибыль для другихъ. Общество дѣйствительно понесло въ свое время потери на упадкѣ цѣнности ассигнацій; въ теченіе полувѣка курсъ ихъ упадалъ и колебался, причиняя тѣмъ убытки всему народному хозяйству; но убытки эти совершались постепенно, распредѣлялись между всѣми и всѣ наконецъ примирились съ ними; кто потерялъ, кто выигралъ неизвѣстно; рубль ассигнаціонный сталъ монетой sui generis и никому уже не представлялся имѣвшимъ когда либо одну цѣну съ серебрянымъ; къ этому привыкли до такой степени, что еще долгое время послѣ замѣны ассигнацій кредитными билетами, публика продолжала считать на ассигнаціи и упрекала Канкрина, что онъ установилъ такую неудобную единицу—три съ половиной.

Словомъ, реформа Канкрина, при данныхъ обстоятельствахъ, была построена на совершенно правильномъ основаніи. И не будь экстренныхъ обстоятельствъ, Россія и досел̀ѣ имѣла бы, благодаря ему, твердое денежное обращеніе.

Изложивъ государственную дѣятельность гр. Е. Ф. Канкрина, мы должны остановиться на его литературной дѣятельности. Уже съ юныхъ лѣтъ онъ началъ писать и до послѣднихъ дней жизни охотно высказывалъ свои взгляды печатно, хотя въ періодъ своей наиболѣе важной государственной работы онъ имѣлъ очень мало времени для литературныхъ занятій.—Еще совершенно молодымъ человѣкомъ онъ написалъ романъ: «Dagobert, eine Geschichte aus dem jetzigen Kriege» (1797—1798). Самъ Канкринъ нигдѣ печатно не признавалъ, что онъ авторъ этого романа, можетъ быть считая романъ этотъ грѣхомъ своей юности; но общій голосъ современниковъ приписывалъ «Dagobert'а» ему и не безъ основанія; авторъ виденъ по лаконичности и рѣшительности высказываемыхъ положеній, по способу выраженія, по мыслямъ, обнаруживающимъ не простаго беллетриста, а скорѣе ученаго или публициста, которому форма романа служитъ лишь средствомъ высказать возможно большему кругу читателей волнующія его идеи. Романъ напи-

санъ въ приподнятомъ стилѣ, свойственномъ той эпохѣ; но среди сантиментальныхъ и вычурныхъ фразъ то и дѣло мелькаютъ серьезныя мысли. Тутъ есть и правила жизни, и мысли о философіи, искусствѣ, религіи. Въ разсказѣ своемъ авторъ обнаруживаетъ свою любовь къ Франціи, нерасположеніе къ Англіи и скорбь о косности Германіи. Въ первое время своей службы въ Россіи, Канкринъ писалъ рецензіи о нѣмецкомъ театрѣ, который онъ очень любилъ вообще. Онъ былъ большимъ любителемъ поэзіи, музыки, архитектуры, археологіи; въ 1836 г. вышло его сочиненіе: «Die Elemente des Schönen in der Baukunst». Довольно отвлеченно разсуждая о предметѣ, авторъ высказываетъ, однако, много тонкихъ замѣчаній и правилъ, полезныхъ для практики; интересны и вообще его мысли о прекрасномъ. Уже старикомъ писалъ онъ разные разсказы, но напечаталъ онъ эти, какъ онъ ихъ называлъ «глупости», только въ 1845 г. подъ общимъ заглавіемъ: «Phantasiebilder eines Blinden» послѣ того, какъ получилъ одобрительный отзывъ отъ извѣстной писательницы фонъ-Пальцофъ. Публика, впрочемъ, отнеслась къ нимъ очень равнодушно, что очень огорчило автора. Вообще онъ отличался довольно сильнымъ писательскимъ самолюбіемъ и потому всѣ свои работы издавалъ анонимно, не желая подвергаться лично нападкамъ критики.

Разносторонній интересъ представляютъ: его переписка съ Ал. Гумбольдомъ: «Im Ural und Altai. Briefwechsel zwischen A. Humboldt und dem Grafen Kankrin; aus den Jahren 1827—1852»; далѣе—его путевыя замѣтки во время путешествій, изданныя въ извлеченіи, его зятемъ, графомъ Кейзерлингомъ: «Aus den Reisetagebüchern des Grafen Georg Kankrin... aus den Jahren 1840—45. Mit einer Lebensskizze Kankrins» 1865, 2 тома; въ этой книгѣ собрано много чрезвычайно интересныхъ замѣчаній Канкрина по разнымъ предметамъ.

Но больше представляютъ интереса и заслуживаютъ особаго вниманія ученые труды Канкрина. Въ 1809 г. онъ напечаталъ очень интересное, по отзывамъ спеціалистовъ, сочиненіе о военномъ искусствѣ: «Fragmente über die Kriegskunst nach Gesichtspunkten der militairischen Philosophie»; въ 1815 г. оно вышло вторымъ изданіемъ. Въ 1820—1823 гг. вышелъ его обширный трудъ «Ueber die Militair-Oekonomie im Frieden und Kriege und ihr Wechselverhältniss zu den Operationen», въ трехъ томахъ in 4^0, съ литографированными таблицами. Эта обширная работа составляетъ какъ бы выводъ изъ опыта войны, въ которой Е. Ф. Канкринъ былъ, какъ мы видѣли, дѣйствующимъ лицомъ, и какъ бы завершеніе его изысканій по этой части, начавшихся сочиненіемъ 1809 г. Ему же приписывается еще другое сочиненіе «О системѣ и средствахъ продовольствія большихъ армій»; но, по словамъ Кейзерлинга, это быть можетъ была оффиціальная записка для изданнаго въ 1812 г. Барклаемъ-де-Толли «Устава о снабженіи армій». Въ «Militair-Oekonomie» Канкринъ упоминаетъ дѣйствительно о какой-то своей работѣ по этому же вопросу, говоря, что онъ бросилъ два тома рукописи и чертежей, убѣдившись въ непримѣнимости изложенныхъ тамъ соображеній. Въ предисловіи къ «Militair-Oekonomie» авторъ заявляетъ, что неохотно приступилъ къ этой работѣ, но считалъ долгомъ не держать про себя своего опыта. А въ предисловіи къ 3-му тому онъ говоритъ: «читали это сочиненіе немногіе, но многіе изъ людей знающихъ одобрили его». И дѣйствительно сочиненіе это содержитъ въ себѣ обширный запасъ указаній для практиковъ военнаго хозяйства, отъ мало видной дѣятельности которыхъ такъ много зависятъ военные успѣхи.

Въ 1821 г. вышло еще одно сочиненіе Е. Ф. Канкрина: «Weltreichthum, Nationalreichthum und Staatswirthschaft, oder Versuch neuer Ansichten der Politischen Oekonomie». Книга эта считается многими какъ бы программой его финансоваго управленія въ противоположность позднѣйшей—«Die Oekonomie der menschlihen Gesellschaften und das Finanzwesen» (1845), которую считаютъ послѣсловіемъ и какъ-бы завѣтомъ умудреннаго опытомъ дѣятеля своимъ преемникамъ. Самъ авторъ, въ заключительныхъ словахъ къ первому изъ этихъ сочиненій, приписываетъ ему лишь теоретическое значеніе, безъ какой либо замѣтной пользы для практики. Но на дѣлѣ вышло наоборотъ: въ области теоріи сочиненіе это прошло малозамѣченнымъ и встрѣтило лишь неблагопріятные отзывы, на практикѣ же оно оказалось дѣйствительно программою финансоваго управленія своего автора. Авторъ, «имѣвъ довольно случаевъ

видѣть вблизи и въ большомъ объемѣ дѣла житейскія, убѣдился, что односторонность основныхъ началъ и выводовъ, мелочность (zu viel Kalkul) и недостаточное вниманіе къ моральной сторонѣ дѣла составляютъ коренной недостатокъ современныхъ идей политической экономіи и потому онъ старается указать тѣ основныя черты, которыя должны намѣтить перемѣны, подлежащія внесенію въ науку». Критика нашла въ этой книгѣ нѣкоторыя странности, которыя и поставлены были въ упрекъ автору; но парадоксальность идей почти вездѣ сглаживается, если разбирать ихъ въ связи съ предыдущимъ и послѣдующимъ изложеніемъ.

Не смотря на свой небольшой объемъ эта книга даетъ не мало выводовъ и мѣткихъ замѣчаній, вызывающихъ на размышленіе. Интересны, между прочимъ, мысли автора о нуждахъ русскихъ финансовъ; онѣ, какъ видно, тогда уже очень его интересовали и въ отзывахъ его слышится скорѣе голосъ какъ-бы опытнаго практика, чѣмъ простаго сторонняго созерцателя явленій.

Позднѣе, будучи уже дѣйствительно опытнымъ практикомъ, въ званіи министра финансовъ, Е. Ф. Канкринъ имѣлъ случай развить свои идеи въ томъ трудѣ, который ему пришлось обработать для ознакомленія по Высочайшему повелѣнію, Наслѣдника Цесаревича Александра Николаевича «съ финансовой частію». Это «Краткое обозрѣніе россійскихъ финансовъ», содержащее въ себѣ всѣ отрасли финансоваго вѣдѣнія, государственнаго и земскаго, съ статистическими данными, было читано Наслѣднику въ началѣ 1838 года.

Отмѣтимъ нѣкоторыя «внутреннія правила финансоваго управленія», которыя министръ-преподаватель внушалъ своему слушателю—Наслѣднику престола. «Коренное условіе добраго финансоваго управленія—говоритъ гр. Канкринъ—содѣйствовать благосостоянію народа разными учрежденіями, облегченіями и пр.; богатый народъ можетъ давать и большіе доходы; а вымогать оный у бѣднаго значитъ срубать дерево для полученія плодовъ... Удобнѣе, избѣгая новыхъ налоговъ, улучшать существующіе... ибо новые иногда могутъ быть хуже старыхъ; но должно имѣть въ виду нѣкоторое постепенное умноженіе доходовъ, ибо расходы обыкновенно изъ года въ годъ усиливаются. Должно вообще, говоритъ онъ, настаивать на уменьшеніи расходовъ... но необходимые, истинно полезные и умножающіе народное богатство расходы должны быть покрываемы. Финансовое управленіе... обыкновенно имѣетъ въ высшихъ классахъ противниковъ и недоброжелателей, а народу вообще оно непріятно; потому надо стараться... примирить финансы съ публикой». Приведемъ еще нѣкоторыя наставленія гр. Канкрина: онъ указывалъ, что: «очень важно не оставаться безъ ресурсовъ на чрезвычайные случаи; сохранять денежную систему въ порядкѣ и поддерживать публичный и частный кредитъ»; «...не приступать къ большимъ перемѣнамъ для выгодъ незначительныхъ или невѣрныхъ... и не слѣдовать путямъ сомнительнымъ; но въ случаяхъ чрезвычайныхъ поступать съ рѣшимостью, не вовлекаясь въ полумѣры...»; «пещись, чтобы текущія дѣла шли скоро и исправно, а важныя не были рѣшаемы скороспѣшно и неосновательно, и чтобы во всемъ была исправная отчетность»; «принимать мѣры къ правильному и скорому движенію суммъ...»; «безъ крайней нужды или прямой пользы не входить въ долги, ибо ежегодно возрастающіе процентные платежи составятъ наконецъ неотвратимое отягощеніе». «Дефициты должны быть отвращаемы сокращеніемъ расходовъ; а къ умноженію налоговъ приступать по одной крайности; ибо вѣрнѣйшая порука внутренняго спокойствія государствъ и сильнѣйшее оружіе противъ безпокойнаго духа вѣка есть умѣренность въ налогахъ и вообще хорошее управленіе, соединяющее частные интересы съ интересомъ общимъ». «...Ни познанія, ни опыты при финансовомъ управленіи не могутъ замѣнить практическаго такта... Однѣ теоріи рождаютъ доктринера, одни опыты—умнаго подьячаго».

Сочиненіе «Die Oekonomie der menschlichen Gesellschaften und das Finanzwesen. Von einem ehemaligen Finanzminister» вышло въ 1845 году, т. е. въ самый годъ смерти гр. Канкрина, и было написано имъ въ промежутокъ времени съ осени 1844 до 1845 г. Русскій переводъ напечатанъ въ «Библіотекѣ для Чтенія» 1846 г. Это — единственное изъ его сочиненій, помѣченное его именемъ и то лишь подъ предисловіемъ. Оно какъ бы заключительное слово всей его дѣятельности. Предупреж-

дая читателя, что это не ученая работа, а только изложеніе взглядовъ автора, Канкринъ замѣчаетъ, что «продолжительная практика дала ему много случаевъ провѣрить свои взгляды и узнать практическія исключенія изъ правилъ теоріи». Сличая, однако, эти окончательные выводы автора съ его первоначальными взглядами, изложенными въ «Weltreichthum», не трудно убѣдиться, что въ общемъ воззрѣнія его перемѣнились очень мало. Какъ человѣкъ съ широкимъ образованіемъ, зоркій наблюдатель, вдумчиво относившійся къ окружавшимъ его явленіямъ, Канкринъ и въ своей послѣдней книгѣ даетъ много интересныхъ и практическихъ замѣчаній. Особенно интересенъ третій отдѣлъ ея, посвященный финансамъ. Онъ содержитъ въ себѣ въ сжатомъ очеркѣ все, что по мнѣнію автора, нужно знать лицамъ, желающимъ сдѣлаться основательными практическими финансистами. Къ сожалѣнію критика наша обращала и обращаетъ свое вниманіе главнымъ образомъ на нѣкоторыя несовременныя, по нынѣшнему, мысли Канкрина и парадоксальность нѣкоторыхъ его мнѣній и выводовъ, скользя мимо того, что есть дѣльнаго въ его трудахъ; между тѣмъ какъ его замѣчанія о явленіяхъ, которыми сопровождается паденіе цѣнности бумажныхъ денегъ, замѣчанія о мѣрахъ къ исправленію денежнаго обращенія, объ ажіотажѣ, о банкахъ, о торговлѣ, объ охранительной системѣ, о налогахъ, о государственныхъ займахъ, наконецъ объ обязанностяхъ министра финансовъ—въ высокой степени интересны.

Гр. Канкринъ сотрудничалъ также въ основанныхъ или поддерживаемыхъ имъ изданіяхъ. Между прочимъ онъ помѣстилъ въ «Земледѣльческой Газетѣ» замѣчательную статью о раздѣленіи Россіи на пояса по климату и естественнымъ произведеніямъ; статья эта обратила на себя вниманіе всей ученой Европы. Въ «Горномъ Журналѣ» интересны его статьи о золотыхъ пріискахъ Восточной Сибири и др.

Оффиціальныя записки его тоже представляютъ нерѣдко ученые труды; таковы: 1) Записка объ улучшеніи овцеводства въ Россіи,поданная графу Остерману въ 1800 г.; 2) Записка, содержащая въ себѣ планъ постепеннаго освобожденія крестьянъ (написана, кажется, по порученію императора Александра I), подъ заглавіемъ: Recherches sur l'origine et l'abolition du vasselage ou de la féodalité des cultivateurs, surtout en Russie, въ 1816 г. Тутъ онъ выступаетъ рѣшительнымъ противникомъ крѣпостнаго права и полагаетъ, что постановленія, которыя, не уничтожая его, клонились бы только къ точному опредѣленію отношеній крестьянъ и помѣщиковъ, лишь увѣковѣчили бы крѣпостную зависимость. Реформу онъ полагалъ произвести постепенно, въ теченіи 30 л., начиная съ 1820 г. такъ, что къ 1850 г. крестьяне окончательно сдѣлались бы собственниками и получили бы право перехода. 3) Записка о походахъ противъ турокъ, отъ 21 августа 1819 г. (напечатана въ «Военномъ Сборникѣ», т. 99); 4) Замѣчанія на проектъ учрежденія губерній 1825 г. (напечатаны въ «Матеріалахъ коммиссіи о преобразованіи губернскихъ и уѣздныхъ учрежденій», 1870. ч. I); 5) Записка о разныхъ способахъ взиманія питейнаго дохода, 1826, (въ «Сборникѣ свѣдѣній и матеріаловъ по Министерству Финансовъ»,1866,кн. 3). Вѣроятно, въ архивахъ Министерства Финансовъ и Государственнаго Совѣта находятся еще и другія записки Канкрина; его частныя рукописи, по словамъ графа Кейзерлинга, затеряны.

Результаты своего управленія гр. Канкринъ изложилъ въ сжатомъ видѣ въ «Обзорѣ примѣчательнѣйшихъ дѣйствій по финансовой части въ теченіе послѣднихъ 20 лѣтъ», представленномъ имъ отъ 12 марта 1843 г. императору Николаю I.

«Обзоръ» напечатанъ съ нѣкоторыми сокращеніями въ «Сборникѣ свѣдѣній и матеріаловъ по Министерству Финансовъ», 1865 г., а въ полномъ видѣ въ переводѣ на нѣмецкій языкъ въ приложеніи въ книгѣ «Aus den Reisetagebüchern», ч. I. Цѣлью обзора было, говоря словами его автора, «въ возможной краткости и безъ подробныхъ разсужденій вывести ходъ финансовыхъ дѣлъ Россіи, въ теченіе послѣднихъ 20 лѣтъ, фактами». И дѣйствительно—это перечень фактовъ, съ очень малымъ числомъ поясненій, но фактовъ, краснорѣчиво свидѣтельствующихъ о неустанной полезной дѣятельности министра финансовъ. Обзоръ заключается слѣдующими знаменательными строками: «вышеизложенное безпристрастному читателю можетъ служить матеріаломъ къ сужденію, можно-ли упрекать министра финансовъ, какъ то дѣлали нѣкоторые, будто онъ въ теченіе 20 лѣтъ ничего не дѣлалъ и дѣйствовалъ безъ сис-

темы. Министръ финансовъ спокоенъ своею совѣстью и осмѣливается думать, что между необъятнымъ множествомъ безполезныхъ, лишнихъ или маловажныхъ дѣлъ и формальностей въ нашемъ управленіи онъ не упустилъ сдѣлать сколько могъ существенно полезнаго»—и, прибавимъ, довольствуясь тѣмъ финансово - административнымъ организмомъ, какой достался ему отъ его предшественника. Дѣйствительно, онъ не сдѣлалъ никакихъ важныхъ перемѣнъ въ организаціи Министерства Финансовъ (капитально была преобразована только горная часть), не видя въ томъ существенной необходимости для дѣла. «У насъ, авторитетно говоритъ онъ въ «Обзорѣ», иногда ожидаютъ отъ перемѣны формъ того, что требуетъ не измѣненія наружности, а занятія существомъ дѣла. Наклонность къ формализму и наружнымъ перемѣнамъ принадлежатъ у насъ вообще къ болѣзнямъ управленія».

Дѣйствительно, Канкринъ считалъ излишнимъ все то, въ чемъ онъ не видѣлъ «существенно-полезнаго», составлявшаго непрерывную заботу всей его жизни. Если же онъ не всегда достигалъ желаемыхъ результатовъ, то, быть можетъ, не столько вслѣдствіе нѣкоторыхъ ошибокъ своей системы, сколько вслѣдствіе встрѣчавшагося противодѣйствія съ разныхъ сторонъ. Онъ не могъ быть вполнѣ самостоятельнымъ хозяиномъ и не отъ него зависѣло водворить во всѣхъ вѣдомствахъ правильное употребленіе средствъ; но на сколько было можно, онъ энергически отстаивалъ рессурсы государства. И нельзя его винить, что ему не удалось устранить нѣкоторыхъ неблагопріятныхъ условій, мѣшавшихъ какъ ему, такъ и его преемникамъ установить прочныя основы для финансоваго хозяйства нашего отечества.

При сужденіи о томъ, чего бы могъ достигнуть графъ Канкринъ, необходимо имѣть въ виду зависимость его отъ всего окружающаго и отъ того положенія, въ какомъ были въ то время прочія части управленія. Онъ не разъ заявлялъ, что потребности государства превышаютъ его рессурсы, что стараясь увеличивать доходы, надо въ тоже время уменьшать расходы; но обстоятельства были сильнѣе его.

Его попытка ввести «нормальную роспись» каковая была имъ составлена на 1836 г., съ назначеніемъ максимума расходовъ для каждаго министерства и съ такимъ разсчетомъ, чтобы оставалась еще часть доходовъ «на полезныя предпріятія», успѣха не имѣла, не смотря на сочувствіе Комитета Министровъ, Государственнаго Совѣта и самого Императора.

Встрѣчая то и дѣло препятствія своимъ цѣлямъ, Канкринъ иногда не могъ не уступать ихъ давленію. Только довѣріе Государя, хотя и раздражавшагося его отказами, но большею частью внимавшаго его совѣтамъ, поддерживало его въ борьбѣ съ своими противниками. А въ числѣ его противниковъ были личности не безсильныя и не незначительныя; въ числѣ ихъ видимъ: гр. Мордвинова, кн. Друцкаго-Любецкаго, кн. Меншикова, гр. Строгонова, гр. Киселева, Тенгоборскаго и др. Мордвиновъ былъ наиболѣе компетентнымъ критикомъ системы Канкрина. Сходясь съ нимъ въ нѣкоторыхъ вопросахъ, какъ, напримѣръ, въ вопросѣ о необходимости сокращеній въ расходахъ военнаго вѣдомства, о водвореніи серебряной валюты, отчасти въ вопросѣ о тарифахъ, онъ осуждалъ общій духъ его системы—неподвижность, отрицаніе общественнаго кредита, питейный откупъ, систему налоговъ, сохраненіе въ тайнѣ бюджета. Начиная съ 1828 г., онъ писалъ обстоятельныя критики на государственныя росписи Канкрина, доказывая, что онъ дѣйствуетъ нецѣлесообразно. Кн. Друцкой-Любецкой доказывалъ въ Государственномъ Совѣтѣ, что система Канкрина несостоятельна; Меншиковъ, по своему обыкновенію, отпускалъ ѣдкія остроты по адресу министра финансовъ; Тенгоборскій, крайній фритредеръ, естественно осуждалъ его таможенную политику. Съ Киселевымъ, больше и больше завоевывавшимъ себѣ расположеніе Государя, Канкринъ воевалъ изъ-за доходовъ отъ государственныхъ имуществъ, которыми этотъ министръ новосозданнаго Министерства Государственныхъ Имуществъ хотѣлъ распоряжаться помимо министра финансовъ, вопреки принципу единства въ финансовомъ дѣлѣ.

Подъ вліяніемъ этой оппозиціи былъ отвергнутъ въ 1826 г. Государственнымъ Совѣтомъ весьма разумный проектъ Канкрина относительно денежной реформы; въ 1834 и 1838 гг. отвергнуто его предложеніе понизить цѣну серебра при пріемѣ въ таможенные платежи, что привело бы къ нѣкоторому повышенію ассигнацій. При ре-

формѣ 1839 г. Государственный Совѣтъ установилъ выпускъ мелкихъ кредитныхъ билетовъ вопреки Канкрину, заявлявшему, что они вытѣснятъ металлическія деньги.

Рибопьеръ, въ своихъ «Запискахъ», отзываясь о Канкринѣ, какъ объ умномъ и высокообразованномъ человѣкѣ, упрекаетъ его въ нелюбви въ Россіи и презрѣніи къ русскимъ. Этотъ упрекъ повторяется и другими. Упрекали его и въ презрѣніи къ чужимъ мнѣніямъ и совѣтамъ, даже ко всякому умственному дарованію, кромѣ своего собственнаго. Этимъ недостаткамъ его—чрезмѣрному честолюбію, высокому мнѣнію о себѣ и презрѣнію ко всему, что не отъ него исходило—и приписываетъ графъ М. А. Корфъ противодѣйствіе, какое часто ему оказывали, и то, что онъ не все то сдѣлалъ, чего бы можно было ожидать отъ его способностей.

Если бы Канкринъ дѣйствительно не любилъ Россію, то вѣроятно бы и не остался въ ней, а послѣдовалъ бы весьма соблазнительному приглашенію въ Австрію, сдѣланному какъ разъ въ весьма критическую минуту его жизни. За чрезмѣрное самолюбіе и презрительное отношеніе къ чужимъ мнѣніямъ, конечно, не заслуживаетъ онъ похвалы; но это, къ сожалѣнію, недостатокъ, свойственный очень многимъ даровитымъ людямъ.

Вообще обвиненія, высказанныя противъ Канкрина въ нашей и частію въ иностранной литературѣ, сводятся къ слѣдующему: его сочиненія по политической экономіи содержатъ въ себѣ много ложныхъ мыслей; въ финансовомъ дѣлѣ онъ простой эмпирикъ, въ таможенномъ — протекціонистъ; онъ ярый противникъ акціонерныхъ предпріятій, поклонникъ системы исключительно казенныхъ кредитныхъ учрежденій, и то съ финансовыми цѣлями; онъ отрицалъ пользу кредитнаго обращенія; держалъ бюджетъ въ секретѣ; оказывался очень непослѣдовательнымъ въ вопросѣ о бумажныхъ деньгахъ, совершивъ съ ними замаскированное банкротство; прибѣгалъ къ секретнымъ займамъ изъ государственныхъ банковъ; ввелъ продажу рекрутскихъ квитанцій; возстановилъ откупъ питейныхъ сборовъ; не сдѣлалъ преобразованій въ налогахъ; завелъ особый видъ государственнаго долга—билеты Государственнаго Казначейства и т. д. Словомъ, какъ въ своихъ сочиненіяхъ, такъ и въ практикѣ Канкринъ проводилъ будто-бы «воззрѣнія, крайне враждебныя наукѣ» и что только «исключительныя личныя, нравственныя и умственныя достоинства создателя этой системы, его необыкновенная государственная честность, добросовѣстность и осторожность и сверхъ того, чрезвычайно благопріятныя для этой системы внѣшнія и внутреннія обстоятельства государства оберегли ее отъ несостоятельности (впрочемъ, только наружной) въ то время, какъ она дѣйствовала подъ рукой ея создателя».

Было бы слишкомъ долго разбирать здѣсь подробно всѣ неблагопріятные отзывы о Канкринѣ и указывать, что̀ слѣдуетъ дѣйствительно поставить въ вину ему и что̀ — обстоятельствамъ, его окружавшимъ. Впрочемъ, нѣкоторыя изъ этихъ обвиненій разсмотрѣны нами выше; нѣкоторые пункты своей дѣятельности онъ достаточно объяснилъ самъ. Надо имѣть въ виду и то, что критика иногда слишкомъ сгущаетъ краски, иногда, какъ замѣчено выше, беретъ его положенія отрывочно, безъ связи съ общимъ ходомъ его мыслей. Замѣтимъ еще, что нѣкоторые изъ «парадоксовъ» Канкрина, подъ вліяніемъ тяжелаго опыта, уже и перестали быть таковыми, какъ, напримѣръ, его протекціонизмъ, мысль о вредѣ большихъ промышленныхъ компаній, его мнѣніе, что лучше было бы правительству взять желѣзнодорожное дѣло въ свои руки, его мысли о вредѣ, приносимомъ нѣкоторыми сторонами банковой дѣятельности, о необходимости правительственнаго контроля надъ частными банками и т. д. Канкринъ конечно ошибался, ожидая, напримѣръ, отъ питейнаго откупа благихъ послѣдствій не только для казны, но и для народнаго богатства и народной нравственности; но вспомнимъ, что откупомъ смѣнилось казенное управленіе, оказавшееся вполнѣ несостоятельнымъ и не менѣе вреднымъ для народнаго благосостоянія, чѣмъ впослѣдствіи оказалась откупная система.

Правда, Канкринъ не питалъ расположенія къ акцизной системѣ; но можно-ли упрекнуть его за это, если и въ наши дни, столь богатые и наукою, и опытомъ, система эта предается остракизму и замѣняется системою казенной продажи вина, предшественницей откупа въ канкриновскую эпоху?

Критики дѣятельности Канкрина особенно ополчаются на него по поводу его

взгляда на желѣзныя дороги. «Чрезмѣрное размноженіе ж. дорогъ» казалось ему «болѣзнью нашего времени». Значитъ онъ не доросъ до пониманія великаго экономическаго и пр. значенія этихъ путей сообщенія—и довольно. Но для спокойнаго сужденія надо принять во вниманіе, что въ то время опытъ еще не выяснилъ ихъ значенія, — что даже и въ такой передовой странѣ, какова Франція, такой крупный государственный дѣятель, какъ Тьеръ, былъ въ то время противникомъ ж. дорогъ,—что и у насъ въ Государственномъ Совѣтѣ многіе имъ не сочувствовали... А Канкринъ, по крайней мѣрѣ, сдѣлалъ нѣсколько очень дѣльныхъ замѣчаній о тѣхъ же, нелюбимыхъ имъ дорогахъ.

Какъ человѣкъ консервативный, несклонный насильственно ускорять ходъ событій, онъ отрицалъ иное только условно, до болѣе благопріятнаго времени, какъ это видно изъ словъ его, что «со временемъ и Россія будетъ имѣть и желѣзныя дороги, свободу торговли, и свободное крестьянство, когда государство достаточно созрѣетъ».

Прекрасную характеристику графа Канкрина даетъ графъ Корфъ: «Канкринъ, говоритъ онъ, обладалъ весьма обширными познаніями, хотя и не одинаковыми, по всѣмъ отраслямъ человѣческихъ знаній; при чрезвычайной дѣятельности и способности къ быстрой работѣ, онъ былъ одаренъ драгоцѣнной способностью быстро и вѣрно рѣшать самые сложные и тонкіе вопросы. Не смотря на его нѣмецкій стиль и говоръ, въ рѣчи его было нѣчто пластическое, осязаемое. Это былъ языкъ, доступный всякому пониманію и приноровленный ко всякимъ принципамъ. Если ему неудавалось убѣдить своихъ собесѣдниковъ доказательствами, то онъ прибѣгалъ къ ироніи и даже къ плоскимъ выходкамъ, возбуждавшимъ веселость». Какъ видно изъ его научныхъ трудовъ онъ обладалъ хорошею подготовкой для своего дѣла; его система не была наскоро испеченной и перемѣнчивой системой человѣка, случайно попавшаго въ министры финансовъ изъ совершенно другой области. Онъ былъ въ свое время едва ли не единственнымъ изъ нашихъ государственныхъ людей, практическая дѣятельность котораго имѣла научную подкладку.

Сочиненія свои Канкринъ писалъ на нѣмецкомъ языкѣ и издавалъ ихъ большею частію заграницей; внутри Россіи гласности въ его время не существовало, да и самъ онъ не былъ ея поклонникомъ, напримѣръ въ бюджетномъ дѣлѣ; поэтому путемъ оглашенія своихъ воззрѣній и дѣйствій онъ не могъ вліять на публику. Тѣмъ не менѣе общественное мнѣніе признавало въ немъ человѣка, глубоко понимающаго свое дѣло. Если кое-что изъ его дѣятельности вызывало критику въ свое время или представляется ошибочнымъ съ нынѣшней точки зрѣнія, то тѣмъ не менѣе за нимъ остается та заслуга, что онъ внесъ извѣстную систему въ финансовую и хозяйственную политику Россіи, упрочилъ въ предѣлахъ возможности по тому времени ея финансовое положеніе, ея кредитъ, повысилъ ея промышленное развитіе.

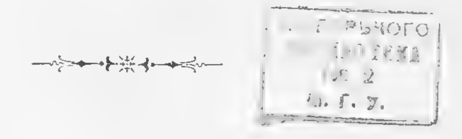
Не газеты и не рекламы создали ему такую извѣстность въ Европѣ, что, когда онъ—въ 1845 г.—заурядным посѣтителемъ, плохо одѣтый, пришелъ на публичное засѣданіе Французской Академіи, то академики, тѣмъ не менѣе, узнали его и торжественно пригласили занять мѣсто между ними.

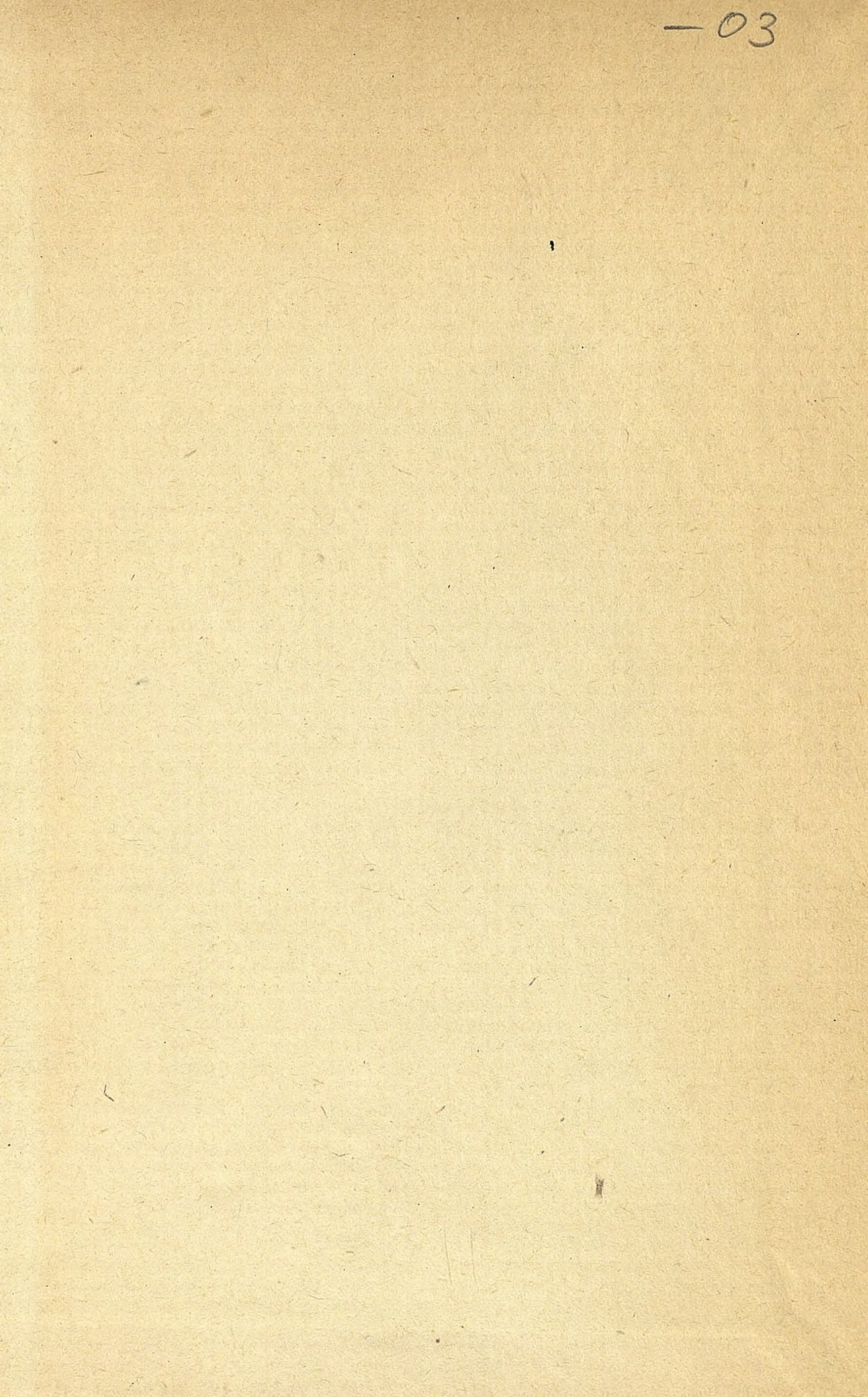
Подчиненные боготворили этого суроваго, угрюмаго нѣмца, всегда обращавшагося съ ними просто и дружественно, безъ всякой «оффиціальщины», какъ онъ выражался,—начальника, умѣвшаго отличать людей дѣльныхъ и цѣнить ихъ заслуги, — этого «скрягу», охотно помогавшаго своимъ подчиненнымъ въ ихъ невзгодахъ, и на счетъ казны, если это было можно, и изъ собственныхъ средствъ. Память о немъ долго жила между его бывшими подчиненными и живетъ доселѣ въ нашемъ обществѣ: многіе не знаютъ, кто были его предшественники, о преемникахъ его имѣютъ лишь смутное понятіе, а имя Канкрина извѣстно почти всякому. И уже самое то, что онъ единственный изъ всѣхъ нашихъ министровъ финансовъ служитъ доселѣ предметомъ разсужденій и критики, что даже полстолѣтія спустя послѣ его смерти дѣятельность его подвергается разбору,—уже это указываетъ, что онъ не былъ заурядною личностью, что въ немъ было нѣчто, характеризующее не простаго администратора, а именно государственнаго дѣятеля.

Если и въ настоящее время, при современномъ состояніи Политической экономіи и Финансовой науки, государственные

мѣропріятія, касающіяся области этихъ наукъ, вызываютъ сомнѣнія и споры, то вполнѣ естественно, что въ эпоху дѣятельности Канкрина, примѣненіе имъ своихъ воззрѣній,—соотвѣтствовавшихъ тогдашнему состоянію науки,—къ жизни государства, столь выходящаго изъ ряда другихъ государствъ, какъ Россія, не могло не встрѣтить въ современникахъ страстнаго, иногда впрочемъ и не безпричиннаго осужденія. Но въ наше время, болѣе чѣмъ на полстолѣтія отстоящее отъ эпохи дѣятельности Канкрина, сужденіе о немъ можетъ сложиться болѣе объективно. Только не слѣдуетъ забывать, что нельзя судить о государственныхъ и общественныхъ дѣятеляхъ, такъ сказать, внѣ пространства и времени, выхватывая ихъ изъ той общественной, политической и моральной обстановки, въ которой имъ приходилось жить и дѣйствовать... Необходимо перенестись въ ту атмосферу, въ тогдашнія условія... При такомъ пріемѣ сужденія Канкринъ останется навсегда замѣчательнѣйшею, выдающеюся личностью въ исторіи нашего экономическаго и финансоваго быта, «...угодничества чуждъ...» «совѣтный мужъ, вездѣ и всюду — человѣкъ», какъ сказалъ о немъ современный ему поэтъ Бенедиктовъ.

Изданія сочиненій Канкрина указаны въ текстѣ. Въ 1894 г. вышелъ весьма плохой, анонимный переводъ его «Oekonomie» подъ заглавіемъ: «Графъ Канкринъ и его очерки политической экономіи и финансіи» (sic).—Краткая біографія гр. Канкрина приложена гр. Кейзерлингомъ къ его «Rejesetagbücher»; извлеченіе изъ этой книги на русскомъ языкѣ напечатано въ «Русск. Арх.» 1866 г. Далѣе—обзоры его жизни и дѣятельности: Сементковскій, «Егоръ Францовичъ Канкринъ; его жизнь и государственная дѣятельность» 1893 г.; Шиповъ, «Очеркъ жизни и государственной дѣятельности гр. Канкрина»—въ «Библ. для Чтенія» 1864 г и отдѣльно; «Journal de St.-Pétersbourg» 1860 г., №№ 138—140, 142, 143; Skalkovsky, «Les ministres des finances de la Russie 1802—90» и на русскомъ языкѣ: «Наши государственные и общественные дѣятели»; Бліохъ, «Финансы Россіи въ XIX столѣтіи», т. I; Иконниковъ, «Гр. Мордвиновъ. Историч. монографія»; «Библіографическія Записки», I, 1858 г.; Вернадскій, «Очеркъ исторіи полит. экономіи», 1858 г.; сборникъ: «XIX вѣкъ», I; В. П. Безобразовъ, «О вліяніи экономич. науки на государств. жизнь въ современной Европѣ» и на французскомъ языкѣ: «De l'influence de la science économique sur la vie de l'Europe moderne», въ Mémoires de l'Acad. Imp. des Sciences de St. Pétersbourg, XII série, t. XI, № 10; его же «О нѣкоторыхъ явленіяхъ денежнаго обращенія въ Россіи»; С. Муравьевъ, «Гр. Канкринъ и его финансовая система по отношенію къ нашему времени» въ «Отеч. Запискахъ» за 1865 г., т. 161; Н. Х. Бунге, «Мысли гр. Канкрина о бумажныхъ деньгахъ» въ «Русск. Вѣстн.» 1864 г., т. 64; его же «Замѣчанія» въ приложеніи къ переводу соч. Ад. Вагнера «Русскія бумажныя деньги»; Гольдманъ, «Русскія бумажныя деньги»; Судейкинъ, «Денежно-кредитная реформа гр. Е. Ф. Канкрина», въ «Юрид. Вѣстн.» 1891 г.; гр. Сперанскій, «Мысли о новыхъ билетахъ казначейства», 1831 г., въ «Русской Старинѣ», 1872 г.; Schmidt, «Das russische Geldwesen während der Finanzverwaltung des Gr. Kankrin von 1823—1845», въ журналѣ «Russische Revue», 1875 г. III и отдѣльно; Roscher, «Geschichte der Nationaloekonomik»; Bodenstedt, «Cancrin», статья въ Bluntschli und Brater, «Staatswörterbuch, II; (Anonym) «Russland und die Gegenwart», Leipzig 1851, I; «Aus der Petersburger Gesellschaft. Von einem Russen». Leipzig, 1874. Neue Folge; П. Н. Б—овъ, «Графъ Е. Ф. Канкринъ и его двадцатилѣтнее управленіе русскими финансами»—«Русскій Вѣстникъ» 1895 г., т. 239 и др.

—03

590
1074